

РЭЙ БРЭДБЕРИ

Зеленые тени,
Белый Кит

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

RAY BRADBURY
Green Shadows, White Whale

© 1992 by Ray Bradbury

Перевод с английского и послесловие *Арама Оганяна*

Художественное оформление обложки *Натальи Портяной*

Брэдбери, Рэй.

Б89 Зелёные тени, Белый Кит / Рэй Брэдбери ; [перевод с английского А. Оганяна]. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-233365-1

В 1953 году Рэя Брэдбери пригласили в Ирландию написать сценарий для экранизации «Моби Дика». Изумрудному острову и ирландцам Брэдбери посвятил свои лучшие рассказы, которые позже объединил в этот роман.

Добро пожаловать в страну, где дождь идет почти весь год. Аккуратнее ходите по ночам — в любой момент может произойти велосипедная авария. Если решите сжечь поместье лорда Килготтена, не забудьте спички, иначе придется таскать картины. Остерегайтесь попрошаек. Особенно ту женщину с «вечным» младенцем. Так же рекомендуем поучаствовать в спринтерских забегах в кинотеатре. Самое главное. Не отзывайтесь на крик прекрасной банши. Тогда ваше путешествие пройдет незабываемо, а под конец в вас вселится дух Германа Мелвилла и допишет сценарий «Моби Дика».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Оганян А., перевод на русский язык,
послесловие, 2026

© Издание на русском языке,

ISBN 978-5-04-233365-1 оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*С любовью и благодарностью —
Кэти Хуриган,
которая помогла мне расставить
по полочкам Дублин и не только,*

*Регине Фергюсон,
которая заботилась о моей семье
холодной ирландской зимой,*

*Гектору Фаброну,
владельцу отеля «Ройял хайберниен»,*

*метрдотелю Пэдди
и всему гостиничному персоналу.*

Светлой памяти Гебера Финна,

*Нику (Майку),
моему таксисту, и всем ребятам
из паба посвящаю этот запоздалый букет*

ГЛАВА 1

Я выглянул с палубы парома «Дан-Лэри» и увидел Ирландию.

Земля была зеленая.

Не просто заурядно зеленая, а всех тонов и оттенков. Зелеными были даже тени и блики, игравшие на причале Дан-Лэри и на лицах таможенных инспекторов. И я — молодой американец тридцати лет от роду, страдающий двумя видами депрессии и нагруженный пишущей машинкой, — окунулся в эту зелень.

Узрев свет, траву, холмы, тени, я воскликнул:

— Зеленая! Как на рекламных плакатах. Ирландия — зеленая. Чтоб я сдох! Зеленая!

Молния! Гром! Солнце скрылось. Зелень исчезла. Огромное небо занавесили дожди. Я опешил, чувствуя, как улыбка сползает с моего лица. Седой, заросший щетиной таможенник подал мне знак:

— Сюда! Таможенный досмотр!

— Куда она подевалась? — жалобно сказал я. — Зелень! Она же только что была! А теперь...

— Зелень, говорите?

Инспектор посмотрел на свои часы.

— Она появится, когда выглянет солнце, — заявил он.

— И когда же это произойдет?

Старик перелистал таможенный свод.

— В этих чертовых инструкциях ничего не сказано, когда и где выйдет солнце и выйдет ли оно в Ирландии вообще. — Он воспользовался носом вместо указки. — Вон там есть церковь, поинтересуйтесь у них.

— Я пробуду здесь шесть месяцев. Может...

— ...вы снова увидите солнце и зелень? Есть такая вероятность. Но в двадцать восьмом году дождь лил двести дней. В тот год у нас уродилось грибов больше, чем детей.

— Это факт?

— Нет, слухи. Но в Ирландии ничего другого и не надо: кто-то услышал, кто-то сказал, и дело сделано! Это весь ваш багаж?

Я предъявил пишущую машинку и худющий чемодан:

— Путешествую налегке. Все получилось так быстро. Основной багаж прибудет на той неделе.

— Впервые в Ирландии?

— Нет. Однажды, в тридцать девятом, я, тогда еще бедный, непризнанный и восемнадцатилетний, прибыл сюда на сухогрузе.

— Что привело вас в Ирландию?

Инспектор послунывил карандаш и приготовился мараить им бумагу.

— Безумие, — ляпнул я.

Его карандаш запнулся. Инспектор поднял на меня глаза:

— Для начала просто великолепно. Но что вы хотите этим сказать?

— Сумасшествие.

Довольный, он подался вперед, стгорая от нетерпения.

— И какого характера? — вежливо осведомился он.

— Разновидностей две. Литературная и психологическая. Я здесь для того, чтобы освежевать и выпотрошить Белого Кита.

— Освежевать, — записал он. — Выпотрошить Белого Кита. Это, стало быть, Моби Дика?

— А вы читаете книжки! — воскликнул я, вытащив из-под мышки эту самую книгу.

— Когда есть настроение. — Он подчеркнул записанное. — Чудовище проживает у нас в доме лет двадцать. Я вступал с ним в единоборство дважды. Оно слишком тяжеловесное, и объемом, и авторским замыслом.

— Да, — согласился я. — Я брался за него десять раз, пока месяц назад меня на это дело не завербовала киностудия. Теперь я должен покончить с ним раз и навсегда.

Инспектор кивнул, смерил меня взглядом с ног до головы и провозгласил:

— Итак, вы прибыли писать сценарий! В Ирландии есть только один киношник. Как его? Высоченный, с таким помятым обезьяньим лицом, красивая речь. Сказал: «Больше никогда». Сел на паром, чтобы испытать на себе Ирландское море. Испытал. Изрыгнул из себя обед с завтраком. Как побледнел! Еле удерживал под мышкой Китовую книгу. «Больше никогда!» — кричал. А ты, парень, сможешь одолеть эту книгу?

— Неужто вам это не удалось?

— Кит здесь не пришвартовывался. Так, с литературой понятно. Что вы говорили насчет чего-то там психологического? Вы прибыли понаблюдать, как католики напропалую врут, а унитаристы обнажают грудь?

— Нет-нет, — поспешил я его заверить, вспоминая прошлый приезд сюда, когда стояла жуткая погода. — Между моими погружениями в поисках Кита я собираюсь изучать ирландцев.

— Это и Господу Богу оказалось не под силу. Вам ли с Ним тягаться? Не стоит и пробовать! — Он поднял свой карандаш.

— Ну... — сказал я, натягивая на голову черный мешок, завязывая петлю на шее и нажимая на рычаг, чтобы провалиться в люк. — Простите, но это единственный берег в мире, где я мечтаю высадиться. Он такой таинственный. Ребенком, когда я проходил по ирландскому кварталу на окраине города, ирландцы колошматили меня. А когда они появлялись в нашем квартале, мы колошматили их. Целых полжизни я ломал голову, зачем мы это делали. Я вырос озадаченным...

— Озадаченным? И это все? — вскричал инспектор.

— Да, ирландцы озадачили меня. Я не столько испытываю к ним неприязнь, сколько мучаюсь своим прошлым. Меня не интересуют ни ирландский виски, ни ирландские тенора. Ирландский кофе тоже мне не по нутру. Можно долго перечислять. Я жил с этими жуткими предрассудками и должен от них избавиться. И так как киностудия назначила меня отслеживать Кита в Ирландии, я подумал: «Боже мой, я смогу сравнить действительность со своими предубеждениями. Я должен навсегда извести этого призрака». Можно сказать, — неубедительно закончил я, — что я пришел увидеть ирландцев.

— Нет! *Услышьте* нас. Но наш язык не связан с мозгом. *Увидеть* нас? Так нас тут нет, сынок. Мы — там, а может, еще дальше. Можно позаимствовать эти очки?

Он очень деликатно снял с меня очки и надел на себя:

— Э! Да у вас тут стопроцентное зрение!

— Да.

— Нет-нет. Фокус слишком точный. Вам нужно нечто, от чего преломляется свет и получается что-то вроде мглы или тумана, но не дождя. Вот тогда вы увидите, как мы плаваем — чуть не тонем — на спине, как та девица в «Гамлете»...

— Офелия?

— Именно. Бедняжка. Ну! — Он водрузил очки мне на переносицу. — Когда захотите присмотреться к толпе,

снимите их, а не то увидите, как мы маршируем налево, вместо того чтобы повернуть направо. И все равно вам не раскусить ирландцев. Можете зондировать, прошупывать, докапываться. Мы не столько народ, сколько погода. Прорентгеньте нас, вырвите из нас с корнем скелеты, а к утру мы регенерируем. Вы правы во всем, что сказали!

— Прав? — изумился я.

Инспектор в голове составил свой список:

— Кофе? Мы не поджариваем зерна — мы их сжигаем! Экономика? Музыка? Они у нас два в одном. Потому что есть нищие, бренчащие на расстроенных банджо на мосту О'Коннела; нищие, волокущие вокруг парка Святого Стефана пианолы, которые звучат как бетономешалки, набитые бритвами. Ирландки? Все ростом три фута, ножки короткие, вместо носов пяточки. Можно на них опереться, можно прикрыться ими от дождя, но чтоб гоняться за ними с серьезными намерениями по болотам... А Ирландия? Самая большая в мире исправительная колония под открытым небом... большой ипподром, где попы играют на тотализаторе, принимают ставки и выплачивают по ним в день Страшного суда. Отправляйтесь-ка домой. Мы вам не понравимся!

— Я не испытываю к вам неприязни...

— Еще испытаете! Послушайте! — Старик перешел на шепот. — Видите эту толпу ирландцев, спешащих покинуть остров, пока он не затонул? Они держат путь в Париж, Австралию, Бостон. До второго пришествия. Вы спросите: зачем вся эта суeta с бегством из Ирландии? Ну, если у вас воскресным вечером выбор: посмотреть фильм тридцать первого года с Гретой Гарбо в кинотеатре «Развеселый», либо помочиться у памятника поэту близ театра «Гейт», либо броситься для развлечения в реку Лиффи со счастливой надеждой утонуть, тогда вам наверняка захочется отсюда смотаться, что они и делают — уйма народу каждый день, с того самого дня, как застрелили Линколь-

на. Население сократилось с восьми миллионов до трех без малого. Еще один картофельный голод или еще один густой туман, в котором все уложат вещички, на цыпочках переберутся на ту сторону и притворятся филладельфийской полицией, — и Ирландия опустеет. Вы не сказали мне про Ирландию ничего такого, чего бы я не знал!

Я пришел в замешательство:

— Надеюсь, я не обидел вас.

— Было приятно услышать, что вы думаете. А эта книга, которую вы пишете. Она... порнографическая?

— Я не собираюсь изучать сексуальные привычки ирландцев.

— Жаль. Они остро в этом нуждаются. Ну, Дублин перед вами! Удачи, юноша!

— До свидания... и спасибо!

Старик недоверчиво покосился на небо:

— Ты слышал? Он сказал «спасибо».

Я побежал и растворился в молниях, громе и тьме. Где-то в вечерних сумерках играла расстроенная арфа.

ГЛАВА 2

Я сошел с поезда, который привез меня на пароме, проехал на такси по залитым дождем улицам и наконец вселился в отель «Ройял хайберниен», потом позвонил в Килкок узнать, могу ли я встретиться с самим дьяволом, как выразился служащий в регистратуре, передавая мой багаж носильщику, а тот поднялся со мной в трясучем лифте в номер, чтобы поставить мои чемоданы там, где у них «не прорастут корни», и отшатнулся от меня, словно не увидел моего отражения в зеркале.

— Сэр, — спросил он, — а вы, наверное, какой-нибудь известный писатель?

— Наверное, — ответил я. — Что-то вроде.

— Ммм... — Носильщик почесал в затылке. — Я тут наводил справки в пабе, в вестибюле, на кухне — никто про вас слыхом не слыхивал.

У двери он обернулся.

— Не беспокойтесь, — заверил он меня, — ваша тайна в надежных руках.

Дверь тихонько затворилась.

Я вдруг почувствовал, что с ума схожу по Ирландии или по Китаю. Не зная точно, по чему именно, я взял такси, которое зигзагами поехало по улицам, забитым десятками тысяч велосипедов. Мы взяли курс на запад вдоль реки Лиффи.

— Как поедem, длинным путем или коротким? — осведомился водитель. — В объезд или напрямик?

— Напрямик...

— Так дороже, — перебил меня таксист. — Длинным — дешевле. Поболтаем! Вы разговариваете? К концу поездки я настолько расслабляюсь, что забываю про чаевые. К тому же я — карта, атлас и путеводитель по Лиффи и окрестностям. Ну так как?

— Длинным.

— Длинным так длинным!

Он ударил по газу, словно нужно было разбудить педаль, сбрил кожу с десятка велосипедистов и помчался, следуя извилам Лиффи, рассекая воздух. И все это только для того, чтобы услышать, как зачихал и сдох мотор, когда до Килкока было уже рукой подать.

Мы заглянули в зияющую могилу давно почившего мотора. Мой шофер поигрывал кувалдой, раздумывая, не добить ли двигатель, чтоб не мучился, потом открыл багажник, извлек оттуда велосипед и протянул мне. Я его не взял, и тот грохнулся наземь.

— Ну что вы, что вы. — Он снова протянул мне велосипед. — Вам совсем недалеко осталось. Вот по этой дороге. — И встряхнул его. — Залезайте.

— Я уже давно...

— Руки вспомнят, сидалище привыкнет. Садитесь.

Я сел, глаза на мертвый автомобиль и его беззаботного хозяина.

— Что-то не похоже, что вы расстроены.

— Машины как женщины, надо только узнать, как они заводятся. Катитесь. Под горку. Осторожно. Тормоза на нем еще те.

— Спасибо! — прокричал я, уносимый велосипедом вдаль.

ГЛАВА 3

Через десять минут я остановился на гребне подъема и прислушался.

Кто-то насвистывал и напевал «Молли Малоун». На холме, жутко вихляя, крутил педали пожилой человек на велосипеде ничем не лучше моего. На самом верху он свалился и остался лежать рядом с велосипедом.

— Старина, ты уже не тот, каким был раньше! — воскликнул он и пнул ногой шины. — Вот так и валяйся тут, зверюга!

Не обращая на меня внимания, он достал бутылку. Приложился к ней философски, затем подержал вверх дном, чтобы последняя капля скатилась ему на язык.

Наконец я заговорил:

— Похоже, нас обоих постигла та же участь. Что-нибудь случилось?

Старикан уставился на меня:

— Уж не голос ли американца я слышу?

— Да. Могу ли я вам помочь?..

Старик указал на пустую бутылку:

— Помощь бывает разная. Пока я забирался в гору, меня осенило, что ведь нам обоим, мне и этому чертову драндулету, по семьдесят лет.

Тут он слегка ткнул в велосипед.

— Поздравляю.

— С чем? Что дышу? Так это привычка, а не заслуга. Позвольте спросить, чего это вы так на меня таращитесь?

Я отпрянул:

— Э-э... есть ли у вас родственник в доках на таможне?

— А у кого нет? — Хватая ртом воздух, он потянулся к велосипеду. — А-а, минутный отдых, и мы со зверь-машинной уже в пути. Мы не знаем, куда держим путь. Я и Салли — так зовут велосипед, видите ли, — каждый день выбираем дорогу и едем по ней.

Я попытался пошутить:

— А ваша матушка знает, что вы здесь?

Старик словно опешил:

— Странно, что вы об этом заговорили! Да, знает. Ей девяносто пять, знай лежит себе на кушетке! Я сказал: «Мам, я уезжаю на целый день. Оставь виски в покое. Ты же знаешь, что я так и не женился».

— Извините.

— Сначала вы поздравляете меня по случаю моей старости, теперь сожалеете, что я холостяк. Сразу видно, вы не знаете Ирландии. Быть старым и холостым — одно из наших важнейших занятий. Понимаете, мужчина не может жениться без собственности. Вы дожидаетесь, пока ваших родителей призовут на выход, наследуете их собственность и только потом ищете жену. Игра такая, кто кого переживет. А я еще женюсь.

— В семьдесят?!

Старик весь сжался в комок:

— С доброй женой у меня будет двадцать лет хорошей семейной жизни даже в таком преклонном возрасте. Сомневаетесь? — просверлил он меня взглядом.

— Нет.

Старик расслабился:

— Ну ладно. А что вам понадобилось в Ирландии?

Меня вдруг бросило в жар:

— На таможене мне посоветовали пристально присмотреться к этой стране, погрязшей в нищете, стонущей от поповского засилья, вымоченной дождями и утопающей в слякоти, в этой...

— Господи боже! — воскликнул старик. — Да вы писатель!

— Как вы догадались?

Старик фыркнул, жестикулируя:

— Вся страна ими кишит. В Корке писатели ворочают камни, в Киллашандре — бродят по болотам. Помяните мое слово, настанет день, когда на каждое человеческое существо будет приходиться по пять писателей!

— Да, я действительно писатель. Прошло несколько часов, как я сюда прибыл, и мне уже кажется, что солнца не было тыщу лет, а только ливни, холод, блуждание по дорогам. Мой режиссер дожидается меня где-то. Вот бы добраться до этого места. Но я, как говорится, без задних ног.

Старик наклонился ко мне:

— Вам что, уже здесь разонравилось? Свысока смотрите?

— Ну...

Старик отмахнулся:

— Почему бы и нет? Всем нужно смотреть на кого-то свысока. Вы смотрите свысока на ирландцев. Ирландцы — на англичан, а те — на весь мир. В конце концов, все потом улаживается. Думаете, меня раздражает выражение вашего лица, на котором написано, что вы приехали проверить наше дыхание и убедиться, что оно кислое, измерить наши тени и убедиться, что они короткие? *Нем!* Я же и помогу вам раскусить нашу треклятую страну. Идемте туда, где вы сможете стать свидетелем жуткого события, кошмарной сцены. Туда, где встречаются парки

и норны. На истинную родину ирландцев... А-а, до чего же вы ее возненавидите! И все же...

— Все же?

— Прежде чем уехать, вы полюбите нас всех. Мы неотразимы. И знаем это. В этом-то и вся беда. Оттого что нам это известно, мы становимся еще невыносимее, а это, в свою очередь, заставляет нас лезть из кожи вон, чтобы стать еще неотразимее. Вот так мы и гоняемся за своим хвостом по всей стране, ничего при этом не выигрывая и ничего не теряя. Вот! Видите ту процессию из безработных, топающих по дороге в дырявых лохмотьях?

— Да.

— Это первый круг ада! А видите тот молодняк на велосипедах со слдутыми шинами и колесами без спиц, крутящий педали босыми ногами под дождем?

— Да.

— Это второй круг ада!

Старик замолчал.

— А там... можете прочесть? Третий круг!

Я прочитал вывеску:

— «У Гебера Финна»... да это же паб!

Старик изобразил удивление:

— Действительно, пожалуй, вы правы. Идемте, я познакомлю вас со своей... семьей.

— Семейей? Вы же говорили, что не женаты!

— Так и есть. И все равно — вперед!

Старик хорошенько стукнул по двери. И мы оказались в баре: сверкающие краны и с десяток встревоженных лиц резко обернувшихся к нам посетителей.

— Ребята, это я, — возвестил старик.

— Майк! Ну ты и напугал нас! — сказал один.

— А мы подумали, может, случилось чего! — сказал второй.